

DOI: 10.31857/S013038640008657-0

© 2020 г. **М. В. ОСЬКИН**

БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС НА РУБЕЖЕ 1917–1918 годов В КОНТЕКСТЕ РУССКО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ИЗЛЕТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Оськин Максим Викторович — доктор исторических наук, сотрудник Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Тула, Россия).
E-mail: maxozv@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена русско-румынским взаимоотношениям в решении взаимных имущественных претензий после выхода России из войны в начале 1918 г. Эвакуационные мероприятия, предпринятые на территории Румынии как следствие поражений кампании 1916 г., постепенный развал русской армии в революционный период, установление в России советской власти с перспективой сепаратного мира — эти процессы стали предпосылками румынской оккупации российской Бессарабской губернии, мотивированной удержанием румынского имущества на территории России. Изучение материалов демобилизации Румынского фронта показывает сложную картину русско-румынских отношений, где штаб фронта приложил максимальные усилия по сохранению русского военного имущества в послевоенный период. Решение проблемы основывалось на преодолении взаимных претензий сторон относительно различных ресурсов — румынского имущества в России (эвакуированных ценностей, и прежде всего — золотого запаса, а также закупленного у союзников вооружения) и русского имущества в Румынии (войсковые склады Румынского фронта), причем судьба Бессарабии ставилась в прямую зависимость от урегулирования данной проблемы путем взаимозачетов экономического плана. Затягивание гражданской войны в России, а затем и победа советской власти предрешили румынскую оккупацию Бессарабии, ставшую своеобразным ресурсом такого взаимозачета. Судьба Бессарабской губернии, ставшей первой жертвой иностранной интервенции по итогам Первой мировой войны, показывает исключительную важность своевременного и устраивающего все стороны разрешения конфликтных ситуаций между военными союзниками.

Ключевые слова: русское военное имущество, оккупация Бессарабии, имущественные противоречия, штаб Румынского фронта.

M. V. Os'kin

The Bessarabian Question at the Turn of 1917–1918 in the Context of Russian-Romanian Relations at the End of the First World War

*Maxim Os'kin, the Institute of law and management of the all-Russian police Association (Tula, Russia).
E-mail: maxozv@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to Russian-Romanian relations in resolving mutual property claims after Russia's withdrawal from the war in early 1918. Evacuation measures taken on the territory of Romania as a result of the defeats of the 1916 campaign, the gradual collapse of the Russian army during the revolutionary period, the establishment of Soviet power in Russia with the prospect of a separate peace—these processes became prerequisites for the Romanian occupation of the Russian Governorate of Bessarabia, motivated by the retention of Romanian property on the territory of Russia. Russian front demobilization materials show a complex picture of Russian-Romanian relations, where the front headquarters made every effort to preserve Russian military property in the post-war period. The solution of the problem was based on overcoming mutual claims of the parties regarding various resources — Romanian property the post-war period. The solution of the problem was based on overcoming mutual claims of the parties regarding various resources — Romanian property in Russia (evacuated valuables, and above all — gold reserves, as well as weapons purchased from the Allies) and Russian property in Romania (military warehouses of the Romanian front). The fate of Bessarabia was directly dependent on the settlement of this problem by offsetting the economic plan. The prolongation of the civil war in Russia, and then the victory of the Soviet government, predetermined the Romanian occupation of Bessarabia, which became a kind of resource for such offsetting. The fate of the Governorate of Bessarabia, which became the first victim of foreign intervention following the First World War, shows the exceptional importance of timely and satisfactory resolution of conflict situations between military allies.

Keywords: Russian military equipment, the occupation of Bessarabia and property contradictions, the headquarters of the Romanian front.

7 января 1918 г. союзник России по Антанте на Восточном фронте — королевство Румыния — объявил о переходе румынскими войсками пограничной с российской Бессарабской губернией реки Прут и вторгся на российскую территорию. Румынское воззвание к населению утверждало, что их армия пришла в Бессарабию для обеспечения охраны и перевозки продовольствия и фуража, закупленных королевством в России. В румынской историографии отмечается, что румынская армия вступила в Бессарабию «по многочисленным просьбам официальных органов власти Кишинёва», выполняя такие задачи, как «поддержание порядка и защита границы между Бессарабией и Румынией»¹.

На деле же начавшаяся оккупация помимо политических и военных целей преследовала и экономическую — захват ресурсов для дальнейшего участия в войне. Выехавший из столицы края штаб Кишинёвского района 11 января справедливо заявил, что «румыны вошли в пределы Бессарабии с целью захвата продовольственных и интендантских складов... Занятие Кишинёва им даст возможность все вывезти в Румынию»². Русский штаб Румынского фронта во главе с Д. Г. Щербачевым поддержал румынское наступление, указав, что ввод румынских войск был необходим, дабы «ввести естественное умирание армий в русло планомерной, продуманной, хотя и несколько импровизированной демобилизации»³. После взятия румынами Кишинёва, 13 января советское правительство

¹ Яков Г. Румыны в период становления национальных государств (1859–1918). — История Румынии. М., 2005, с. 502.

² Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Кишинев, 1967, с. 62.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ), ф. 5936, оп. 1, д. 238, л. 6.

В. И. Ленина объявило «восставшего против революции» Д. Г. Щербачева вне закона и выпустило постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией. В постановлении, в частности, указывалось, что «хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа»⁴.

Таким образом, в ответ на вторжение бывшего союзника в Бессарабию в Москве был арестован румынский золотой фонд, эвакуированный в Россию в 1917 г. Данное обстоятельство, как говорит Отчет о демобилизации армий Румынского фронта, в свою очередь, вскоре стало основанием для захвата румынами русского военного имущества в Бессарабской губернии: «Русское командование оказалось в крайне трудном положении, без поддержки свыше, без доверия к своим солдатам и, наконец, при опасении потерять имущество и под натиском единственной организованной силы на фронте, то есть — румын. Натиск последних был частью стихийным, самочинным, не покровительствуемым высшим румынским командованием, частью же — организованным со стороны румынских военных и гражданских властей, опиравшихся в своих претензиях на чрезвычайно неопределенные указания на финансовые обязательства России перед Румынией, исполнение коих было окончательно скомпрометировано водворившимся в Петрограде большевистским правительством»⁵.

Экономической основой русско-румынских противоречий на излете Первой мировой войны стала неурегулированная проблема имущественных взаимозачетов и расчетов, созданная эвакуацией из страны материальных ресурсов (прежде всего золотого фонда), румынскими закупками имущества у союзников по Антанте, наличием громадных русских войсковых запасов в Румынии и Бессарабии. Выход России из войны и начинающаяся Гражданская война оставили нуждающееся в различных ресурсах королевство в одиночестве с могущественным врагом. В ситуации, когда румынская сторона объективно не могла ни получить оставшееся на русской территории закупленное ею вооружение, ни возвратить эвакуированное имущество, и было принято решение об оккупации Бессарабии.

Вступление Румынии в Первую мировую войну 14 августа 1916 г. потребовало от ее союзников по Антанте применения значительных, а вскоре даже и чрезвычайных усилий по оказанию ей помощи и поддержки. Ближайшим соседом Румынии на Восточном фронте являлась Российская империя, на которую выпала задача непосредственной поддержки Румынского королевства как на театре военных действий, так и для жизнедеятельности образованного в конце 1916 г. Румынского фронта. Из-за поражений кампании 1916 г., потери столицы и большей части территории пришлось осуществлять крупномасштабную эвакуацию.

В провинции Добруджа, защищаемой русско-румынской Добруджанской армией под командованием русского начальника 47-го армейского корпуса А. М. Зайончковского, из-за недостатка сил союзники потерпели поражение и отступили к городу-порту Констанце в начале октября 1916 г. Под угрозой падения нефтяного района Плоешти, впервые встал вопрос об уничтожении румынских ресурсов, что могли бы достаться успешно наступавшему противнику. Инициаторами выступили англичане, намеревавшиеся уничтожить закупленные ими в Румынии нефть и зерно, причем расходы предполагалось распределить равномерно между Англией, Францией и Россией.

⁴ Борьба трудящихся Молдавии..., с. 65.

⁵ ГА РФ, ф. 5936, оп. 1, д. 238, л. 11.

В 1915–1916 гг., дабы немцы не получили зерна, англичане закупили в Румынии около 2 млн пудов хлеба, который не имели возможности вывезти. Теперь склады с английским хлебом оказались под угрозой захвата неприятелем. Поддерживая союзника, русские предложили провести в Румынии кампанию уничтожения сырья по примеру Великого отступления 1915 г., когда русские военные власти уводили население с оставляемых территорий Польши, Галиции и Западной Белоруссии, уничтожая все, что было невозможно эвакуировать. Учитывая, что подвоз продовольствия из России не успевал за наращиванием группировки на румынском участке фронта, английский хлеб в конечном счете пошел на питание войск.

Получив предложение о сжигании запасов хлеба нового урожая, как то делали русские в 1915 г., румыны пытались его саботировать. Румынское правительство полагало, что «если будут уничтожены запасы зерна, то это даст право германцам отобрать последние запасы от мирного населения местностей Румынии, которые будут заняты врагом». Позиция румын являлась вполне логичной, но несомненно передавала противнику часть зерновых запасов. После продолжительных и непродуктивных пререканий, чтобы сдвинуть дело и оставить наступавшего противника без продфуражного подспорья, 18 ноября главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А. А. Брусилов, которому подчинялись русские войска в Добрудже, получил категорический приказ Ставки Верховного командования уничтожать всю нефть и зерно, что нельзя вывезти⁶.

10 октября порт Констанца был сдан. Портовые сооружения, нефтехранилища (несколько сот тысяч тонн нефти, бензина и керосина) и продовольственные склады были оставлены в сохранности, ибо русское командование оптимистически предполагало в самом ближайшем времени перейти в контрнаступление и освободить город-порт. Впоследствии английскими диверсионными группами полковника Томсона были предприняты попытки уничтожения нефти на территории Румынии. В общем итоге союзниками, действовавшими под руководством главы британской военной миссии в Румынии полковника Н. Гриффина, было уничтожено 70 нефтеперерабатывающих установок, несколько тысяч нефтяных скважин, а также 800 тыс. т нефтепродуктов (бензин и керосин) и сырой нефти⁷.

Ликвидировать все энергоресурсы было, конечно, невозможно, с точки зрения руководителя британского Имперского генерального штаба У. Робертсона, «несмотря на заявления румын об уничтожении, неприятель найдет в стране много бензина, нефти и смазочных масел». Донося об этом мнению 21 ноября в Ставку Верховного командования, глава русской военной миссии при румынском командовании М. А. Беляев просил разрешения для начальника 4-го армейского корпуса Э.-Г. Алиева, чьи войска выдвинулись к румынской столице, при отходе уничтожать все запасы нефти и имущества, за исключением Бухареста — «дабы на нас не легло обвинение, что мы сожгли столицу». Точно так же и с нефтью: румынский премьер-министр И. Брэтиану настаивал, что если поджечь нефть в Плоешти, то сгорит и город.

Русское командование не могло повторить нежеланной практики кампании 1915 г., когда отступавшие русские армии опустошали западные регионы империи. Поэтому приказ Брусилова от 22 ноября настаивал на осторожности и четкости в сложном и неприятном деле уничтожения ресурсов на оставляемой неприятелю румынской территории: «Прошу подтвердить войскам, вновь прибывающим

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА), ф. 2003, оп. 1, д. 422, л. 48.

⁷ *Савин Т.* Иностранный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.). М., 1950, с. 81.

и имеющим прибыть в будущем в Румынию, о том, чтобы были приняты все меры к сохранению среди войск полного внутреннего порядка, дисциплины, чтобы не было допускаемо никаких грабежей, незаконных поборов и насилий над мирными жителями, их жилищами, владениями и имуществом. Не откажите также дать указания, чтобы при необходимости уничтожения в городах, особенно в Бухаресте, складов, запасов и другого ценного для противника материала и имущества — уничтожение это производилось разумно, не допуская бесцельных пожаров и поджиганий жилищ и имущества мирных жителей»⁸.

Такого же принципа русская сторона придерживалась и в дальнейшем, учитывая факт возможного требования компенсаций со стороны румын. С самого начала военных действий в Румынии союзники вели практику взаимозачетов по поставкам друг другу и по учету ликвидируемых ресурсов. Указание Ставки Помощнику главнокомандующего армиями Румынского фронта (Помгавкоруму), номинально им считался румынский король Фердинанд I, В. В. Сахарову от 1 января 1917 г. предписывало «при уничтожении запасов по военным обстоятельствам вести по возможности учет уничтоженному имуществу при участии румынской администрации в видах предотвращения впоследствии чрезмерных требований о вознаграждении за уничтоженные запасы»⁹.

В свою очередь, телеграмма Помгавкорума В. В. Сахарова от 30 декабря напрямую предписывала, что «должны быть немедленно определены во всех войсковых районах склады продовольствия и все могущее поступить на пользу врагу, подлежащее уничтожению в случае дальнейшего отхода. Все эти склады, предметы и сооружения должны быть на учете и при перегруппировке частей передаваемы для наблюдения из одной части в другую. Теперь же скрытым образом заготовить средства для этого и определить кому что уничтожить. Английские склады должны быть взяты на довольствие войск и в случае отхода все неиспользованное подлежит уничтожению. Оставлению же в неприкосновенности подлежат лишь небольшие запасы и постройки, которые находятся у населения»¹⁰. Запасы хлеба у крестьян не трогали, что, безусловно, явилось компромиссом между гуманитарными (румыны) и военными (русские) требованиями обстановки.

Неудачный ход румынской кампании обострил ситуацию в Бессарабии. После падения Бухареста и отступления русско-румынских войск к границе, вновь встал вопрос о возможности эвакуации населения, скота, зерна, сельскохозяйственных орудий и машин, правительственных учреждений, промышленных предприятий. Еще в 1915 г. особая комиссия камергера Н. П. Муратова по эвакуации северной части Бессарабской губернии пришла к выводу, что местная администрация не сможет самостоятельно справиться с такой задачей. Поэтому за решение данного вопроса отвечало «Особое междуправительственное совещание для ближайшего соображения вызываемых возможностью эвакуации Румынии мероприятий» во главе с сенатором гофмейстером Д. И. Засядко¹¹. 12 декабря Николай II повелел сосредоточить в руках Засядки всю распорядительную власть по проведению подготовительных и исполнительных мер по эвакуации в Румынии.

Общие проблемы во взаимоотношениях с румынами — эвакуация материальных средств из Румынии, устройство румынских беженцев, переправка грузов для Румынии из Архангельска, распределение эвакуированных из Румынии грузов по русским заводам и складам — вызывали необходимость создания особого

⁸ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 422, л. 2, 32–33, 91.

⁹ Там же, ф. 2086, оп. 1, д. 70, л. 195.

¹⁰ Там же, ф. 2163, оп. 3, д. 9, л. 4.

¹¹ Там же, ф. 369, оп. 6, д. 281, л. 6.

делопроизводительного отделения по румынским делам при русской Ставке¹². Прежде всего из Румынии вывозились заводские предприятия и военные грузы, эвакуацией которых ведал И. Н. Толмачев. В заседании эвакуационной комиссии при Особом совещании по обороне государства от 4 января 1917 г. рассматривался вопрос, возбужденный письмом военного министра от 30 декабря об эвакуации заводских предприятий из Румынии и Измаильского уезда¹³. Главная часть грузов поступала в ведение Главного артиллерийского управления и направлялась в Россию через Черновицы, где находился координировавший эти действия Н. В. Шульга¹⁴.

О пропуске грузов, эвакуируемых из Румынии, говорилось: «Грузы, принадлежащие румынской армии, все подлежали свободному пропуску, в том числе и составляющие оборудование казенных румынских мастерских, нужных для армии»¹⁵. Вывоз оборудования, запасов энергоресурсов, документации столицы, прочего имущества — перегрузил железные дороги, не позволяя своевременно осуществлять оперативные перевозки войск и ускорить переброску русских резервов. Помимо промышленных мощностей, эвакуации подлежал и скот, в перспективе потребный для довольствия армии. В 1916 г. поголовье крупного рогатого скота в Румынии насчитывало 6,8 млн голов, а овец и коз — 15,3 млн¹⁶. Ближе к концу года некоторые землевладельцы Румынии эвакуировали скот в Молдавию, и военные власти рассчитывали, что в будущем можно было бы использовать этот скот для армии. В. В. Сахаров просил разрешить эту эвакуацию, и Ставка согласилась¹⁷.

Если до поражения у стен столицы вопросы снабжения худо-бедно решались, то с падением Бухареста резко усилился отток населения на северо-восток — по разным подсчетам от 1 до 3,5 млн человек — навстречу двигавшимся в Румынию русским войскам. Отступая, румыны уводили с собой все мужское население от 16 до 46 лет¹⁸. Внутри же России в это время распространялись слухи, что массы румынских беженцев могут быть перевезены в глубь империи, где в городах прогрессировал продовольственный кризис. В полицейских сводках отмечалось, что население «пугает угроза появления румынских беженцев»¹⁹.

В середине ноября премьер-министр А. Ф. Трепов предполагал, что в ближайшем будущем следует ожидать наплыва румынских беженцев. Дабы избежать хаоса на железных дорогах, как в 1915 г., Трепов предлагал министру внутренних дел А. Д. Протопопову «заблаговременно озаботиться установлением надлежаще согласованного порядка приема беженской волны из Румынии, направления ее заранее определенными путями внутрь империи и распределения на местах». Соответственно, МВД запросило губернаторов об их возможностях получения и размещения румынских беженцев. Например, тульский губернатор мог взять более 6 тыс. беженцев, воронежский — более 9 тыс., рязанский — до 1,2 тыс. Однако в декабре губернаторы стали сообщать, что продовольствия и так не хватает, почему принять беженцев будет невозможно. В свою очередь министерство путей сообщения 2 января телеграфировало в Отдел по устройству беженцев, что

¹² Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 283, л. 142.

¹³ Там же, ф. 369, оп. 6, д. 332, л. 1.

¹⁴ Там же, ф. 2004, оп. 3, д. 464, л. 453.

¹⁵ Там же, д. 2120, л. 279а.

¹⁶ Савин Т. Указ. соч., с. 15.

¹⁷ РГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 30, л. 170.

¹⁸ Балканы в конце XIX — начале XX в. М., 1991, с. 270.

¹⁹ См. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008, с. 667.

можно отправить 45 тыс. румынских беженцев в Полтавскую, Харьковскую и Воронежскую губернии. Доставить же беженцев в Тульскую, Курскую, Рязанскую, Саратовскую и Симбирскую губернии «по условиям движения... представляется совершенно невозможным»²⁰. В первой половине 1918 г. в центре страны собрали и отправили домой всего 2 тыс. румын-беженцев²¹. Основная часть румынских беженцев оседала в Молдавии и Бессарабии, а внутрь страны отправлялись только зажиточные элементы в незначительном количестве²². Генерал-квартирмейстер Ставки первого состава отмечал в мемуарах, что «концентрация в Молдавии на относительно ограниченной территории всей румынской армии и громадного количества беженцев вызвала вскоре большие трудности в снабжении. Россия, в частности, страдала от них, поскольку нехватка продовольствия начала уже ощущаться в стране»²³.

Телеграммами от 28 октября и 26 декабря Департамент таможенных сборов дал указания об устранении затруднений в пропуске румынских беженцев на русскую территорию. Между тем в начале января 1917 г. от бессарабского губернатора М. М. Вороновича и В. В. Сахарова были получены телеграммы о задержке русскими таможнями, в особенности Кагульской заставой, беженцев на основании телеграфного распоряжения Бессарабского губернского правления № 2355 о пропуске в Бессарабию только тех румын, что имеют удостоверения от румынского правительства. Управляющий Кагульской заставой донес, что пропускал всех, имеющих какие-либо документы, задерживая лишь лиц вовсе без документов. На совещании в Одессе 15 января было решено, что пропускать можно и по так называемым «беженским билетам», которые могли выдаваться и на группу лиц. На этом же совещании уполномоченный министерства земледелия Н. Ф. Енькодаровский поставил вопрос об установлении «беспрепятственного беспошлинного пропуска из империи в Румынию и обратно всех продовольственных и фуражных грузов с тем, чтобы между продуктами отечественными и румынскими не делалось никакого различия». По заявлению Енькодаровского, «из России в Румынию будет вывезено значительно более зерновых продуктов, чем в обратном направлении, причем возможно, что и то зерно, которое привезено будет в империю из Румынии, будет доставлено лишь для переработки его в муку на отечественных мельницах и вывоза в Румынию». Относительно грузов, вывоз которых был воспрещен, совещание решило, что таковой «допускается по удостоверениям военных и интендантских властей или уполномоченных министерства земледелия». При вывозе гужем — по накладным уполномоченного в губерниях Одесского военного округа гофмейстера С. Н. Гербеля — «означенные накладные при наличии сопровождения груза воинским конвоем, должны быть признаваемы достаточным доказательством законного следования груза через границу». О пропуске грузов, эвакуируемых из Румынии, совещание постановило, чтобы «грузы, принадлежащие румынской армии, все подлежали свободному пропуску, в том числе и составляющие оборудование казенных румынских мастерских, нужных для армии. Досмотр военных эвакуируемых грузов может производиться не только в пограничной таможне, но и в месте выгрузки». Частный груз — облагается пошлиной, но с условием уплаты в течение полугода²⁴.

²⁰ Российский государственный исторический архив, ф. 273, оп. 10, д. 1029, л. 1, 9–10, 29, 48, 65.

²¹ Курцев А. Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917). — Вопросы истории, 1999, № 8, с. 107.

²² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1917 год. М., 2009, с. 46.

²³ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 2000, с. 328.

²⁴ РГВИА, ф. 2004, оп. 3, д. 2120, л. 165–166, 212, 277, 278–279а.

В начале 1917 г. Д. И. Засядко просил установить льготный денежный курс для румынских беженцев, выезжавших на территорию России. Однако министерство финансов отказало — «до согласия румынского правительства на размен нашим войскам рублей на леи по паритету». Письмо Д. И. Засядке от управляющего министерством финансов А. Николаенко от 23 января разъясняло ситуацию: «В свое время, особенно в первый период присоединения Румынии к державам Соглашения, министерство финансов испытывало значительные затруднения в получении румынской валюты, предназначавшейся для довольствия действующих на территории королевства румынских войск. Расходы в леях требовались значительные, ибо наши войска во избежание серьезных курсовых потерь от расчетов в рублях, должны были бы производить все расходы в румынской валюте». Румыны не поддерживали фиксированного курса русского рубля, и «расценка рубля, доходившая до 180 лей за 100 руб. ничем не парализовалась со стороны румынского правительства». Нынешний курс составляет 266,68 лей за 100 руб. — это убыточный курс по сравнению с рыночным. Льготный курс должен быть 34,5 руб. за 100 лей²⁵.

Ближайшим тылом Румынского фронта и регионом, осенью и зимой 1916–1917 г. принявшим румынских беженцев, стала пограничная с Румынией российская Бессарабская губерния (перед войной численность населения составляла 2543,2 тыс. человек). «Справка о состоянии губерний Одесского военного округа» начала марта 1917 г. отметила, что «недостаток продовольственных продуктов и непомерная их дороговизна особенно резко ощущается в различных городах Херсонской и Бессарабской губерний, как ближайших к фронту. Испытывается недостаток зерна и муки во многих городах этих губерний, в том числе и в Одессе, как вследствие крайней затрудненности подвоза, так и ввиду огромных нарядов хлеба, заготовляемого для нужд армии организацией гофмейстера Гербеля». И далее — «недостаток мяса на рынке и его вздорожание объясняется также постоянными реквизициями скота для нужд армии. В деле недостатка продуктов на рынке и их вздорожании играет немаловажную роль наплыв проходящих (румынских. — М. О.) беженцев, а также сосредоточение в этих двух губерниях большого числа войсковых частей»²⁶.

В конце ноября 1916 г. русский посланник в Румынии С. А. Поклевский-Козелл телеграфировал, что румынское правительство желает подстраховаться в случае падения Молдавии и «теперь же перевезти в Москву свой золотой фонд и некоторые бумаги и документы». Для этой перевозки румыны просили предоставить 25 товарных вагонов и 5 пассажирских для сопровождающего персонала, а также русскую охрану вплоть до места назначения²⁷. Всего, как сообщил русский посланник при румынском короле А. А. Мосолов, к середине декабря было отправлено 1738 ящиков золота, по 4 пуда каждый, и 2 ящика драгоценностей.

Первый эшелон румынских ценностей был эвакуирован в Россию в конце 1916 г., а прочее пока оставалось в Яссах — временной столице королевства. На эвакуации золотого запаса настаивала и русская сторона. 5 декабря врид Начальника штаба Верховного главнокомандующего В. И. Гурко телеграфировал А. А. Мосолову, что поезд под золото был подан в Яссы, но директор румынского Национального банка Болтиано сообщил, что «груз к отправке не готов», и пустой поезд ушел обратно в Одессу. Гурко категорически отметил: «Считая ссылку на неготовность груза к отправке лишь отговоркой, заключаю, что румыны, по-видимому, уклоняются от приведения в исполнение первоначального своего

²⁵ ГА РФ, ф. 1001, оп. 1, д. 215, л. 2–4.

²⁶ РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 81, л. 268об.

²⁷ Там же, ф. 69, оп. 1, д. 84, л. 145.

намерения и решили распорядиться в этом деле без нашего участия и, может быть, не в согласии с нашими интересами... По соображениям политическим признаю необходимым, чтобы румынский золотой фонд был передан на хранение нам, и перемену на сей счет намерений румынского правительства считаю нежелательной и недопустимой». Гурко справедливо указал, что «дело это возникло по почину самих румын», и потому следует немедленно «настоять перед румынским правительством на необходимости вывоза ныне же румынских ценностей в Россию»²⁸. Русские опасались, что румынское золото попадет в руки неприятеля. Уже после Февральской революции в Россию был отправлен второй эшелон румынского золотого запаса и различные ценности на общую сумму более 1 млрд лей.

Помимо прочего, встал вопрос об эвакуации 3 тыс. племенных лошадей — помощник инспектора артиллерии армий Румынского фронта А. Н. Виноградский в воспоминаниях указал, что в Румынии «остро стоял конский вопрос, вследствие незначительного количества и вообще неудовлетворительного качества румынских лошадей. Некоторым подспорьем являлись волы, которыми пользовались дляпряжки румынской тяжелой артиллерии и обозов»²⁹. 15 января 1917 г. эту проблему обсуждали на комиссии под руководством Д. И. Засядко. Российское государственное коннозаводство просило выделить на эти цели 300 тыс. руб. на первые четыре месяца, считая по 25 руб. на лошадь, «при условии, что перевозка лошадей по железным дорогам будет произведена распоряжением подлежащих властей, а прислуга, необходимая для ухода за лошадьми, будет предоставлена румынским правительством». Первая партия эвакуировалась накануне Февральской революции. В начале апреля 1917 г. должна была начаться эвакуация второй партии лошадей в 521 голову, для которых уже были подготовлены помещения и фураж на сумму в 20 тыс. руб. Перевозка, размещение и содержание возлагались на Главное управление государственного коннозаводства. Однако главноуправляющий государственным коннозаводством П. А. Стахович в середине марта докладывал во Временное правительство, что требуется лишь 52 тыс. руб., ибо в связи с революцией в России румыны отказались от дальнейшей эвакуации: «Так как дальнейшей эвакуации лошадей из Румынии, по-видимому, не предполагается»³⁰.

Напротив, румыны получали для своих войсковых нужд русских лошадей, только артиллерийских и обозных, так как лошадей для кавалерии в России перестало хватать и для русской конницы. В январе 1917 г. было заключено соглашение о передаче румынской армии 33 тыс. лошадей, в том числе непосредственно румыны должны были получить 7,6 тыс. голов для войск. Прочие лошади предназначались для румынских тыловых служб. В связи с революционными событиями поставка лошадей была приостановлена, возобновившись лишь перед Июньским наступлением. В июле румыны получили 3972 лошади, в конце месяца затребовав еще 26 тыс. голов. В ответ дежурный генерал при Ставке Верховного главнокомандующего 2 августа сообщил, что данная мера невозможна в связи с «истощением коневого рынка страны»³¹.

В глубь Российской империи эвакуировались и военнослужащие. В середине декабря 1916 г. румыны обратились с просьбой об эвакуации в Россию рекрутов (около 300 тыс. человек), для которых русская сторона должна была выделить русских офицеров и инструкторов, обмундирование и три военных училища —

²⁸ ГА РФ, ф. 1001, оп. 1, д. 209, л. 1.

²⁹ Там же, ф. 6260, оп. 1, д. 2, л. 16.

³⁰ Там же, ф. 1779, оп. 1, д. 1068, л. 3–3об.

³¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 695, л. 11–12.

пехотное, кавалерийское и артиллерийское — общим количеством на 4–5 тыс. юнкеров. Здесь же указывалось, что эвакуированные румыны должны быть приняты на русское довольствие и по русским нормам. Румынских военнослужащих предполагалось разместить в Одесском военном округе (рекруты) и области Войска Донского (военные училища)³². Часть рекрутов и раненых предполагалось отправить во внутренние округа³³.

Были разработаны два плана размещения — в прилегающих к фронту русских регионах, на чем настаивали румыны, в глубине южных губерний, как предполагали русские. Телеграмма Главного интенданта Румынского фронта М. И. Кияновского В. В. Сахарову от 16 января 1917 г. сообщала: «Комиссия по эвакуации румынских рекрутов и войск сегодня открыла действия. Расположения румынской армии в районе Бессарабской губернии необходимо избежать, вследствие условий подвоза продовольствия армией фронта. Необходимо указание, должны ли размещение по первому варианту быть произведено во что бы то ни стало или возможно остановиться на втором варианте, то есть в районе Балты, Ананьева, Елисаветграда»³⁴. Правда, масштабной эвакуации так и не произошло. События Февральской революции побудили румынского короля сосредоточить все свои ресурсы, включая и людей, в пределах Молдавии и Валахии.

Румынские раненые отправлялись по преимуществу в Одессу, где располагался специальный румынский госпиталь, и куда постепенно переводили всех раненых румын из других регионов России. По окончании боев, наиболее тяжелых раненых переводили в тыловые госпитали, чтобы их питание не зависело от перебоев в снабжении Румынского фронта. Уже 16 февраля Главное управление Генерального штаба телеграфировало начальникам военных округов, что началась эвакуация раненых и больных румын в глубь России и они — «подлежат принятию на учет эвакуационных пунктов на одинаковых с нашими эвакуированными чинами основаниях». Уточнение: эвакуированные румыны не имеют права на жалование, так как состоят на коште румынского правительства, а за довольствие их в госпиталях уплачивает та войсковая часть, к которой он принадлежит³⁵.

При всех сложностях русско-румынского сотрудничества объективного и субъективного характера российская сторона стремилась избегать посредничества западных союзников в этом вопросе. В таком деле неизбежно сталкивались интересы различных ведомств, так как преследование тактических временных целей могло навредить долгосрочным стратегическим расчетам. Например, 20 февраля 1917 г. В. И. Гурко предложил создать в Яссах «особое постоянное содействие из представителей правительств Великобритании, Франции и России при участии министра иностранных дел Румынии» или самого премьер-министра И. Брэтиану. Но министерство иностранных дел выступило против, ибо «этим самым мы дали бы предлог Франции, Англии и Италии контролировать наши действия в Румынии и вмешиваться в русско-румынские отношения»³⁶. Как видим, предложение Гурко преследовало ближайшую цель — срочно отладить взаимодействие со сложным и малоуступчивым союзником. В МИД рассчитывали на дальнюю перспективу, в том числе и на послевоенное урегулирование спорных вопросов с Румынией.

³² Там же, ф. 499, оп. 2, д. 1085, л. 23.

³³ Там же, ф. 1607, оп. 6, д. 16, л. 11.

³⁴ Там же, ф. 2086, оп. 1, д. 45, л. 7.

³⁵ Там же, ф. 2000, оп. 6, д. 54, л. 27–28, 51.

³⁶ ГА РФ, ф. 1001, оп. 1, д. 232, л. 5.

Очередным испытанием для войск Румынского фронта и русско-румынского военного союза стала Февральская революция 1917 г. Назначенный Временным правительством новый Верховный главнокомандующий М. В. Алексеев 12 марта телеграфировал В. В. Сахарову, что ему следует немедленно предпринять совместные с румынами действия по выходу из тяжелой ситуации. Алексеев считал, что «растущий недостаток продовольственных припасов в Румынии требует скорейшего осуществления всех возможных мероприятий для борьбы с создавшимся в связи с этим положением. Ввиду сего прошу безотлагательно выработать совместно с румынскими Главной квартирой и правительством и при участии нашей миссии детальный план конкретных мероприятий в этом направлении». Следовало выяснить необходимое румынам количество продовольствия, фуража и интендантского имущества, «какое количество грузов фактически может по условиям транспорта быть подвезено в Румынию сверх необходимого для нужд нашей армии», определить пути эвакуации и особенно — «на случай движения беженцев под влиянием недостатка продовольствия в Румынии»³⁷.

Первоначально, ситуация оценивалась достаточно оптимистично, но неудача июньского наступления показала, с одной стороны, степень развала русских вооруженных сил, а с другой — качество усилий, предпринятых румынским военно-политическим руководством по усилению румынских войск. Русские армии Румынского фронта по-прежнему находились в окопах, удерживая фронт, но становилось очевидным, что реальной боевой силой на этом участке являются румынские армии, отлично показавшие себя в сражении при Мэрэшешти. Как считал сын нового Помглавкорума А. Д. Щербачев, французы доказали качества румынской силы, «подтянув в один год всю румынскую армию и подняв ее на такую высоту, что солдаты сражались как львы, благодаря дисциплине, а офицеры умно распоряжались»³⁸. Такое «подтягивание» с далеко идущими политическими целями французы были бы не прочь провести и с Россией. Летом 1917 г. они желали получить «задачу восстановления и реорганизации русской армии», как следует из документа «Записка о военных усилиях Франции в России», т.е. установить французский контроль над русской армией по типу миссии А.-М. Бертело с румынами³⁹.

Необоснованно рассчитывая на непреходящий успех наступления и «революционный энтузиазм» русской армии. Временное правительство убедило союзников в твердости своего положения в стране. С 1 июля 1917 г., согласно постановлению Временного правительства от 16 июня, прекратило свою деятельность Особое межуведомственное совещание для ближайшего соображения вызываемых возможностью эвакуации Румынии мероприятий во главе с Д. И. Засядко. Все дела были переданы в Эвакуационную комиссию при Особом совещании по обороне государства. Однако резкое изменение положения на фронте вынудило вновь задуматься о вероятных эвакуационных мероприятиях. Докладная записка товарища совещания П. И. Пальчинского министру-председателю А. Ф. Керенскому от 7 августа уведомляла, что в связи с тем, что в компетенцию эвакуационной комиссии не входит эвакуация всех румынских управлений, предприятий, казны и частного имущества, Особое совещание доводит «до сведения Временного правительства о желательности образования особого органа по объединению вызываемых эвакуацией Румынии мероприятий»⁴⁰.

³⁷ РГВИА, ф. 2004, оп. 3, д. 464, л. 373.

³⁸ ГА РФ, ф. 5936, оп. 1, д. 577, л. 10.

³⁹ Магадеев И. Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов. — Новая и новейшая история, 2017, № 6, с. 41.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 51, л. 1.

Начиная с 1 августа предполагалась эвакуация из Молдавии румынского правительства и королевского двора (в Херсон), военнообязанных с семьями, пленных, военных грузов и фронтовых учреждений. Характерно, что одним из первых грузов стала отправка ценностей румынских банков с персоналом в 230 человек, на что потребовалось 9 классных и 33 товарных вагона⁴¹. Эвакуация проводилась силами междуведомственной комиссии с румынскими представителями во главе с помощником генерал-квартирмейстера Румынского фронта полковником Н. А. Берхом⁴². Частичная эвакуация (без правительства и королевского двора, оставшихся в Яссах) тем не менее вызвала продовольственные затруднения даже в богатой хлебной губернии. В начале августа херсонская городская продовольственная управа просила у министра продовольствия разрешения на внеочередную погрузку вагонов пшена и крупы из Киевской и Полтавской губерний, «ввиду крайней нужды в продуктах, усилившейся с приездом румын»⁴³.

Отступление армий Юго-Западного фронта из Галиции за линию государственной границы, реку Збруч, оголило правый фланг Румынского фронта, защищаемого 9-й армией Г. В. Ступина. Поэтому в первую очередь было решено отправлять внутрь страны тылы этой армии. 21 июля начальник штаба Румынского фронта Н. Н. Головин телеграфировал, что «ввиду критического положения Черновцов, а следовательно, северной части Румынии, эвакуация территории королевства фактически начинается», о чем был уведомлен румынский премьер. Уточняя правила предстоящей эвакуации, 29 июля Главный начальник снабжений армий Юго-Западного фронта Е. Ф. Эльснер телеграфировал: «Населению необходимо всем препятствовать сниматься с мест; войска никоим образом не должны принуждать его уходить. Собранные за нас хлеба ни на полях, ни под крышей уничтожению и сжиганию не подлежат, дабы не расстраивать войска отвлечением от боевых задач. Не вынуждать население уничтожением населенных пунктов и запасов хлеба эвакуироваться. Увод скота и пригодных армиям лошадей может осуществляться лишь при неизбежности отхода войск в полосе до перехода от боевых линий войск. Все излишки эвакуированного скота, за исключением нужного для продовольствия войск, а равно лошадей, должны передаваться по счету румынским властям». Продолжая указания коллеги, Главный начальник снабжения армий Румынского фронта А. С. Санников предлагал разъяснять населению, что «сопротивление реквизиции перевозочных средств бесполезно, так как в случае эвакуации отступающие войска все равно заберут с собою весь скот и все повозки»⁴⁴.

Так как меры по эвакуации предполагались и для русских, и для румынских войск, то командованию следовало позаботиться о координации действий. Уже 4 августа новый интендант фронта В. И. Никулин сообщил в армии, что «для восполнения недостатка скота в армии, надлежит принять меры к усиленной реквизиции скота у населения ближайшего тыла, особенно в местностях, угрожаемых и предположенных к эвакуации». Через три дня командующий 4-й армией А. Ф. Рагоза телеграфировал, что в его армии «острый недостаток зернофуража, крупы, сена и муки. Много дней ничего не подвозится. Убедительно ходатайствую о срочном подвозе, в особенности на линию Роман — Бакео для доведения запасов магазинов до трехдневной нормы». 9 августа Санников ответил, что главная причина затруднений в подвозе — переобременение железных дорог «непроизводительными

⁴¹ РГВИА, ф. 2099, оп. 1, д. 182, л. 10.

⁴² Там же, ф. 369, оп. 6, д. 334, л. 17–18.

⁴³ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 463, л. 16.

⁴⁴ РГВИА, ф. 2086, оп. 1, д. 11, л. 30об., 47–48, 53.

перевозками, вследствие слишком поспешной и самовольной эвакуации». Дело в том, что при эвакуации Буковины в тыл на станцию Соколы прибывали поезда с эвакуированным продфуражом, а на фронте была нехватка всего, почему командование предписывало передавать его в войсковые магазины. А в Ясский расходный магазин прибывали продукты без сопроводительных документов, ввиду чего, как считал Санников, «происходит постоянная путаница, и часто вагоны, предназначенные нам, попадают румынам и наоборот». Наконец, 24 августа начальник военных сообщений А. А. Колпаков информировал штаб 9-й армии, что «сейчас румынские дороги работают по оперативным перевозкам полным графиком и одновременно принимается вся буковинская эвакуация. Ввиду срочности этих двух перевозок отдельные наряды неизбежно могут быть задержаны, тем не менее принимаются все меры, чтобы их выполнить»⁴⁵.

Именно эта эвакуация отодвинула еще дальше в русские тылы существенную часть румынского военного и прочего имущества. Когда в 1918 г. румынское командование предъявит определенные претензии на русское военное имущество, оставшееся от демобилизации Румынского фронта, то оно будет опираться на факт перевоза румынского имущества в регионы Одесского военного округа, чьи склады к концу 1917 г. в основном перейдут под контроль советской власти, а их содержимое пойдет на снабжение различных сторон Гражданской войны — советских, украинских, молдавских и прочих формирований. Эвакуация, которой непосредственно руководил помощник председателя Комиссии по эвакуации, а затем и председатель — полковник Кропачев, продолжалась до конца года, с пиком в августе месяце. Осенью румыны, напротив, попытались подтянуть к себе часть необходимого в данный момент имущества, подвозя его до станции Унгени, а затем переправляя на территорию Румынии гужевым транспортом. Всего с 25 июля по 30 декабря 1917 г. из Румынии было отправлено вагонов 229 классных, 100 людских, 23 конских, 178 платформ и 2223 крытых товарных вагонов, 2753 вагонов с различными грузами и людьми⁴⁶.

Видя развал империи, румынская сторона выдвинула русским претензии относительно компенсации ущерба, наносимого русскими войсками на территории Румынии. Как отмечал один из отчетов по демобилизации войск Румынского фронта, уже весной 1918 г., в связи с демобилизацией «настойчиво возникают два вопроса: 1) зафиксирование преступных деяний, в особенности должностных лиц, и 2) ликвидация претензий по убыткам, нанесенным русскими войсками населению Румынии». Эти вопросы, в особенности второй, обозначились летом 1917 г., когда появился проект образования смешанных русско-румынских комиссий для решения нараставших проблем⁴⁷. Разложение русских войск уничтожало элементы дисциплины в армии, почему количество правонарушений и преступлений стало стремительно расти, притом что исправить ситуацию русские военные власти не имели возможности. В прежних политических условиях решение этой проблемы было бы отложено до конца войны, однако теперь не будучи твердо уверенным в будущей компенсации румынское правительство спешило удовлетворить интересы своего населения.

Для «определения размеров убытков, нанесенных русскими войсками, находящимися на территории Румынии, населению», решением от 18 сентября было установлено, что создаются окружные комиссии в каждом округе (дистрикте). Комиссии выясняли, «был ли действительно нанесен какой-либо ущерб румынскому

⁴⁵ Там же, д. 15, л. 69, 209, 396, 601, 651, 653.

⁴⁶ Там же, ф. 2099, оп. 1, д. 182, л. 475.

⁴⁷ Там же, д. 171, л. 17.

населению, не преувеличены ли размеры убытков и какая именно сумма должна быть выплачена жалобщикам». В эти комиссии входили по три русских и румынских делегата и обязательно переводчик⁴⁸. Центральная комиссия располагалась в Яссах: русские представители — капитан Лаврентьев, поручик Тюнин, прапорщик Штраухман; румынский — государственный адвокат Н. Максим. Примечательно, что основная масса претензий по возмещению нанесенных русскими войсками убытков стала предъявляться уже в конце 1917 — начале 1918 г., с началом демобилизации русских войск, когда советское правительство вывело страну из войны. Однако русское Управление по ликвидации Румынского фронта не выплачивало «никаких убытков, причиненных русскими войсками населению Румынии и Бессарабии», так как румынское правительство само задерживало решение этого вопроса⁴⁹. Ведь если бы румыны официально заявили о компенсациях, то им, во-первых, могли быть выдвинуты встречные претензии, а во-вторых, ставилось бы под сомнение право пребывания румынских войск на территории Бессарабии. Потому жалобы лишь фиксировались, но до реальных выплат дело так и не дошло.

Установленное с подачи советской власти перемирие показало, что румыны не в состоянии в одиночку бороться с войсками Центральных держав в случае выхода России из войны. Верно, что русская революция изолировала Румынское королевство, оставив его в одиночку на всем Восточном фронте⁵⁰, а потому выход России из войны одновременно по сути предполагал немедленные сепаратные переговоры румын с немцами. В результате ввод румынских войск в Бессарабию стал неизбежен. Причинами тому стали как объективные обстоятельства — необходимость снабжения фронта и захват ресурсов региона для этой цели, так и субъективные — расчеты румынского правительства на послевоенное отторжение Бессарабии в свою пользу. Практически сразу после ввода войск румынское командование приступило к отъему русских ресурсов, в том числе складских запасов имущества и инфраструктуры.

В стремлении сохранить войсковое имущество русских войск Румынского фронта для своей страны по окончании смуты (под этим штабом фронта понималось падение советской власти) русское командование во главе с Д. Г. Щербачевым предприняло попытку учета имущества и передачу его под контроль союзных миссий в Румынии. Разумеется, в штабе фронта рассчитывали на достаточно быстрое падение правительства В. И. Ленина. Постановление Комитета Румынского фронта по демобилизации от 12 марта предписывало передать русские склады в ведение и под охрану румын «до конца существования складов, то есть до эвакуации их в Россию, что, по всей вероятности, произойдет не ранее, как через несколько месяцев»⁵¹. Следовательно, штаб фронта рассчитывал на падение советской власти до конца 1918 г., почему и предпринимались громадные усилия по складированию и сохранению военного имущества и вооружения.

В свою очередь румыны признавали, что «все русское имущество, которое находится на территории Румынии или Бессарабии, остается собственностью русского государства, без права вывоза с территории, на которой оно находится, до новых распоряжений... Имущество и снаряжение, которое берется от разоруженных русских войск, будут сохраняемы румынскими властями в складах». Однако следующий тезис делал данное признание бессмысленным — перевозка имущества в Россию будет осуществляться «только в том случае, когда восстановятся все наши склады

⁴⁸ Там же, д. 172, л. 19.

⁴⁹ Там же, д. 157, л. 4.

⁵⁰ *Hamilton R. Decisions for War, 1914–1917. Cambridge, 2005, p. 214.*

⁵¹ РГВИА, ф. 2099, оп. 1, д. 63, л. 8.

в России, которые по донесениям были взяты русскими войсками»⁵². Имущество этих румынских складов (как эвакуированного из Румынии имущества, так и вооружения, поступившего от союзников транзитом через Россию и не доведенного до Бессарабии) уже активно использовалось сторонами Гражданской войны, и потому его просто не существовало. Очевидно, что при таком подходе русское имущество армий Румынского фронта переходило в руки румын.

В определенной степени это было справедливо, так как за оставшееся на российской территории имущество румыны заплатили, а то, что его не успели или не смогли довести до Молдавии, являлось проблемой русской стороны. Однако общая стоимость и количество имущества румынского в России и русского от Румынского фронта были несопоставимы. Вдобавок невозможно было бы подсчитать армейское фронтовое имущество на территории Бессарабии, склады с которым с января также стали контролироваться румынскими войсками. Поэтому, для преодоления конфликтов с румынами, у которых, согласно Отчету по демобилизации, «начинал уже устанавливаться взгляд на наше имущество как на их собственность», использовались союзные миссии⁵³. В качестве гарантов сохранения русского военного имущества в собственности будущей России без большевиков были избраны французы и американцы. Однако отъезд союзных миссий после заключения Брестского мира и мирного договора между Центральными державами и Румынией фактически передал это имущество в руки румын.

Наконец, в мае 1918 г. уже находившийся в отставке Д. Г. Щербачев писал председателю совета министров Румынии А. Маргиломану, что румынское правительство не вправе свободно распоряжаться русским военным имуществом, но лишь задерживает его «в виде гарантии за оставшееся в России имущество Румыний». Щербачев уточнил, что, по докладу Главного начальника снабжений Румынского фронта А. С. Санникова, оно «находится в сохранности в складах Херсонской губернии»⁵⁴. Но как мог Санников отвечать за склады, оставшиеся на оспариваемой большевиками, украинцами и австро-германцами территории? Малороссийские регионы оказались в огне Гражданской войны, почему складированное вооружение и прочие предметы снаряжения достались большевикам и петлюровцам.

22 мая румынское военное министерство сообщило Главному начальнику Управления по русской ликвидации А. А. Пержхайло, что 1 июня является «сроком окончания всех работ по передаче находящегося в Румынии русского военного имущества, которому надлежит оставаться здесь в собственности русского государства». Конечный срок пребывания русских военных чинов в Молдавии и Бессарабии — до 1 июля 1918 г. Приказ Пержхайло от 7 июня устанавливал, что к 17 июня во всех ликвидационных отделах следовало «собрать в законченном виде все акты, описи и ведомости по русскому военному имуществу, как переданному румынам, так и самовольно захваченному ими»⁵⁵. Де-юре имущество оставалось российским. Де-факто — румыны уже начали прибирать его к рукам, равно как и всю Бессарабию. Например, начальник Сокольского общесфронтowego склада 8 июня 1918 г. сообщил, что, несмотря на заверения румын о русской собственности, они «фактически распоряжаются им так, как может распоряжаться только полный собственник»⁵⁶.

⁵² Там же, д. 194, л. 3.

⁵³ ГА РФ, ф. 5936, оп. 1, д. 238, л. 31об.

⁵⁴ РГВИА, ф. 2099, оп. 1, д. 63, л. 41.

⁵⁵ Там же, д. 5, л. 79.

⁵⁶ Там же, д. 174, л. 3—5.

Таким образом, в 1918 г. Бессарабская губерния стала заложником военной и революционной ситуации в России, где переплелись интересы и претензии различных сторон русской Гражданской войны, австро-германских интервентов и Румынии. Имущественные отношения вследствие эвакуационных мероприятий из Румынии в 1916–1917 гг. и демобилизации Румынского фронта оказались непреодолимыми в ходе Русской революции, что поставило бессарабский регион в прямую зависимость от румынской интервенции. В силу обстоятельств, связанных с войной, определяющую роль в судьбе революционной Бессарабии сыграли соглашения между разными интервенционными игроками, для которых регион выступал разменной монетой в закулисных играх без учета русских интересов.

Библиография

- Балканы в конце XIX — начале XX в. М., 1991.
Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Кишинёв, 1967.
Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 2000.
Курцев А. Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917). — Вопросы истории, 1999, № 8, с. 98–133.
Магадеев И. Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов. — Новая и новейшая история, 2017, № 6, с. 41. 29–46.
Особые журналы Совета министров Российской империи. 1917 год. М., 2009.
Савин Т. Иностранный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.). М., 1950.
Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
Якоб Г. Румыны в период становления национальных государств (1859–1918). — История Румынии. М., 2005, с. 467–552
Hamilton R. Decisions for War, 1914–1917. Cambridge, 2005.

References

- Balkany v kontse 19 — nachale 20 v. [The Balkans in the late 19-early 20 century]. Moscow, 1991. (In Russ.)
Bor'ba trudiashchikhsia Moldavii protiv interventov i vnutrennei kontrrevoliutsii (1917–1920 gg.) [The struggle of the workers of Moldova against the interventionists and the internal counter-revolution (1917–1920)]. Chisinau, 1967. (In Russ.)
Danilov Yu. N. Na puti k krusheniiu [On the way to the crash]. Moscow, 2000. (In Russ.)
Jacob G. Rumyny v period stanovleniia natsional'nykh gosudarstv (1859–1918). — Istoriia Rumynii [Romanians during the formation of national States (1859–1918). — Romanian history]. Moscow, 2005, p. 467–552. (In Russ.)
Kurtsev A. N. Bezhtentsy pervoi mirovoi voyny v Rossii (1914–1917). — Voprosy istorii, [Refugees of the first world war in Russia (1914–1917). — Questions of history], 1999, № 8, p. 98–133. (In Russ.)
Magadeev I. E. Vostochnyi front v 1917 godu i perspektivy rossiiskoi armii v otsenkakh frantsuzskikh voennykh ekspertov. — Novaya i noveishaia istoriia [The Eastern front in 1917 and the prospects of the Russian army in the assessments of French military experts. — Modern and contemporary history], 2017, № 6, p. 29–46. (In Russ.)
Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1917 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1917]. Moscow, 2009. (In Russ.)
Savin T. Inostrannyi kapital v Rumynii (s 1859 po 1945 g.) [Foreign capital in Romania (from 1859 to 1945)]. Moscow, 1950. (In Russ.)
Sukhova O. A. Desiat' mifov krest'ianskogo soznaniia: ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'ianstva (konets 19 — nachalo 20 v.) po materialam Srednego Povolzh'ia [Ten myths of peasant consciousness: essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (late 19 — early 20 century) based on the materials of the Middle Volga region]. Moscow, 2008. (In Russ.)
Hamilton R. Decisions for War, 1914–1917. Cambridge, 2005.